тых мест, а затем последовательно излагаются его перемещения среди достопримечательностей и реликвий православия. Нам не известно, был ли в действительности среди костромских помещиков Полозовых Василий Васильевич и, если был, попал ли в плен, будучи на службе у Б. А. Репнина, к крымским татарам, а от них — к туркам. Описание пути и святых мест в Челобитной довольно однообразно; оно вполне традиционно: нельзя назвать его ярким, самобытным или особенно впечатляющим. Отчасти оно напоминает Хождение Арсения Селунского. Такое традиционное изложение пути по святым местам показывает, насколько был привычным и знакомым для более или менее начитанного автора второй половины XVII в. тип древнерусского хождения.

Личность автора при этом проявляется незначительно. Неоднократно подчеркивается лишь присущая ему приверженность православной вере и осуждение турецкого «бусурманства». Но эта особенность скорее всего продиктована целью написания Челобитной — для получения жалованья и службы в Московской Руси. Только дважды автор, в прошлом военный, обращает внимание на укрепления и на оружейное ремесло: когда сообщает о гробе Давидове («Кругом двора его (Давида, — *О. Б.*) ров, а через ров мост, а на мосту устроены цепи и пушки») и когда описывает темницу Иосифа Прекрасного в Египте («А ныне тут кладезь, а воду берут с того кладезя на пороховое дело»). В этом отношении Челобитная Василия Полозова сильно уступает анонимному Описанию Турецкой империи, составленному русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII в., и опубликованному П. А. Сырку и приписанному им Федору Дорохину, которому довелось быть военным даже в турецкой неволе и, по-видимому, ставшему мусульманином.[28]

Обращает на себя внимание описание встречи с московскими послами (а во второй редакции — с московским резидентом в Испогане). Именно в посольской среде XVI—XVII вв. собирались сведения, впечатления и «роспросные речи» многих русских, побывавших в чужих землях.[29] В ряде случаев они облекались в литературную (притом умело приданную) форму, как мы видим это на примере Отписки Степана Тарбеева. При других обстоятельствах общение с посольскими чиновниками, искушенными в деловой переписке, могло оказаться толчком для составления Челобитной Василия Полозова, не лишенной в то же время и литературного интереса.

Привлеченные нами памятники отчасти раскрывают особенности литературного быта XVII в., когда жанр древнерусских «хождений» был одним из самых распространенных и сложившихся.[30]

Ниже приводятся тексты обоих литературных памятников, подготовленные по правилам публикации текстов, принятым в ТОДРЛ; Отписка Степана Тарбеева — в первой редакции. Для Челобитной Василия Полозова избран второй («посольский») вид первой редакции, так как этот вид до сих пор неизвестен.[31]

---

[28] Православный Палестинский сборник, т. X, вып. 3. СПб., 1890.

[29] Ср. Распросные речи Дмитрия Петрова, бывшего в плену у турок. — ДАИ, т. X, СПб., 1867, стр. 142—143, № 46 (1682—1683 гг.); М. Н. Бережков. Руские пленники и невольники в Крыму. — Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. II. Одесса, 1888, стр. 342—372.

[30] О сближении жанра «путешествий» с другими литературными жанрами в XVII в. см.: А. А. Морозов. Заметки о Хождении Василия Гагары. — «Československá Rusistika», t. XIV (1969), 4, стр. 145—150.

[31] О публикациях по отдельным спискам, в том числе первого вида первой редакции (списки *Г*, *У*) и второй редакции (список *Б*) см. примеч. 5